

Сканировал Мишин Николай

Г. Я. Яковлев

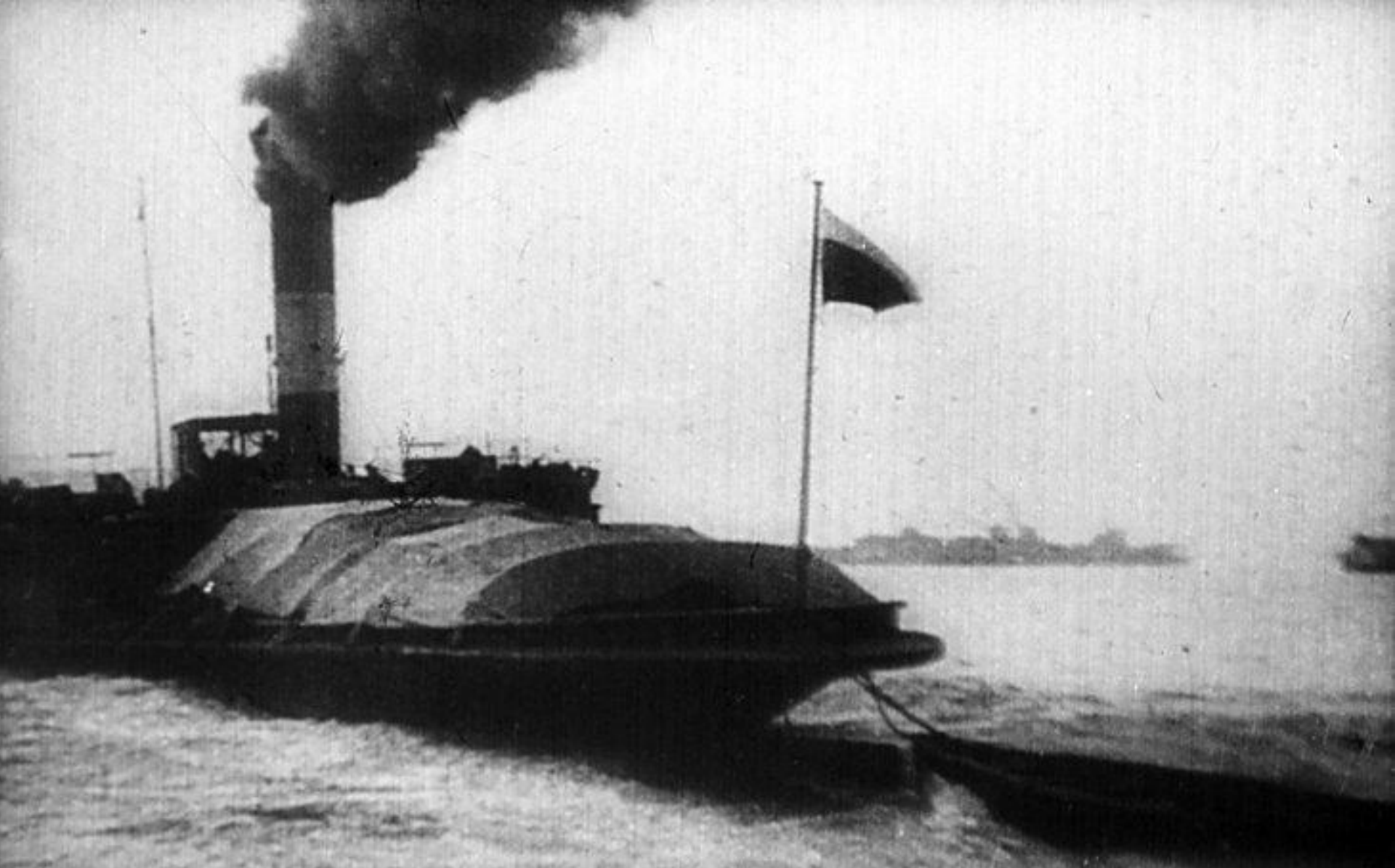
В ЛЮДЯХ

Диафильм в 2 частях
Составлен по одноимённому кинофильму

ЧАСТЬ 2

Производство фабрики „Диафильм“
1952 г.

Д-46-52

Старенький рыжий пароход, на который поступил посудником Алексей, не торопясь, шлёпал плицами по серебряной воде.

Буфетчик объяснял Алексею: — Вот тут посуда, будешь мыть, понял? Чистые приборы — все мне, понял? Мимо меня официанту приборы давать не могли...

Когда буфетчик вышел, официант Сергей сказал Алексею:—Со своего стола один чистый приборчик мне дашь, а я тебе—три копейки.

– Пошёл ты, не буду я тебе давать, – ответил Алексей.
– Так я же тебя, чёрта, с парохода выскребу, – пригрозил официант.

Другом Алексея стал повар Смурый. Он увлекался чтением и часто звал Алексея: – Пешков, иди читать.

Как-то в каюте Смурого Алексей читал ему „Тараса Бульбу“: „Остап выносил терзания и пытки, как исполин... И упал он силою и воскликнул... „Батько! Где ты? Слышишь ли ты?“

—Эх, проклятое дело!—тяжело вздохнул Смурый.—
А были люди, Тарас этот—а? Да-а, это—люди...

Алексей читал: „...Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу...“

– Не найдутся, сынку, не найдутся, – убеждённо
сказал Смурый.

– Хорошая книга – просто праздник! – растроганно говорил он, когда Алексей кончил читать.

Официант Сергей, подсмотрев, что Алексей занят чтением, решил подбросить ему стаканы в лохань с грязной водой.

Вернувшись в судомойню, Алексей выплеснул воду вместе со стаканами.
— Это моя вина! — сказал Смурый буфетчику, — запишите на меня.

Буфетчик допрашивал Алексея:
– Ты даёшь Серёжке приборы?
– Нет.
– Всё равно расчёт!

Ночь. Навстречу пароходу тихонько плывут тёмные берега. Доносится песня:

- Эх ты, Волга, Волга мать-река,
Широка ты, широка и глубока.

На корме сидят Алексей и Смурый, любуясь просторами реки, красотой ночи.
— Скажите, какие люди, добрые или злые? — спрашивает Алексей. — Почему так терпят?

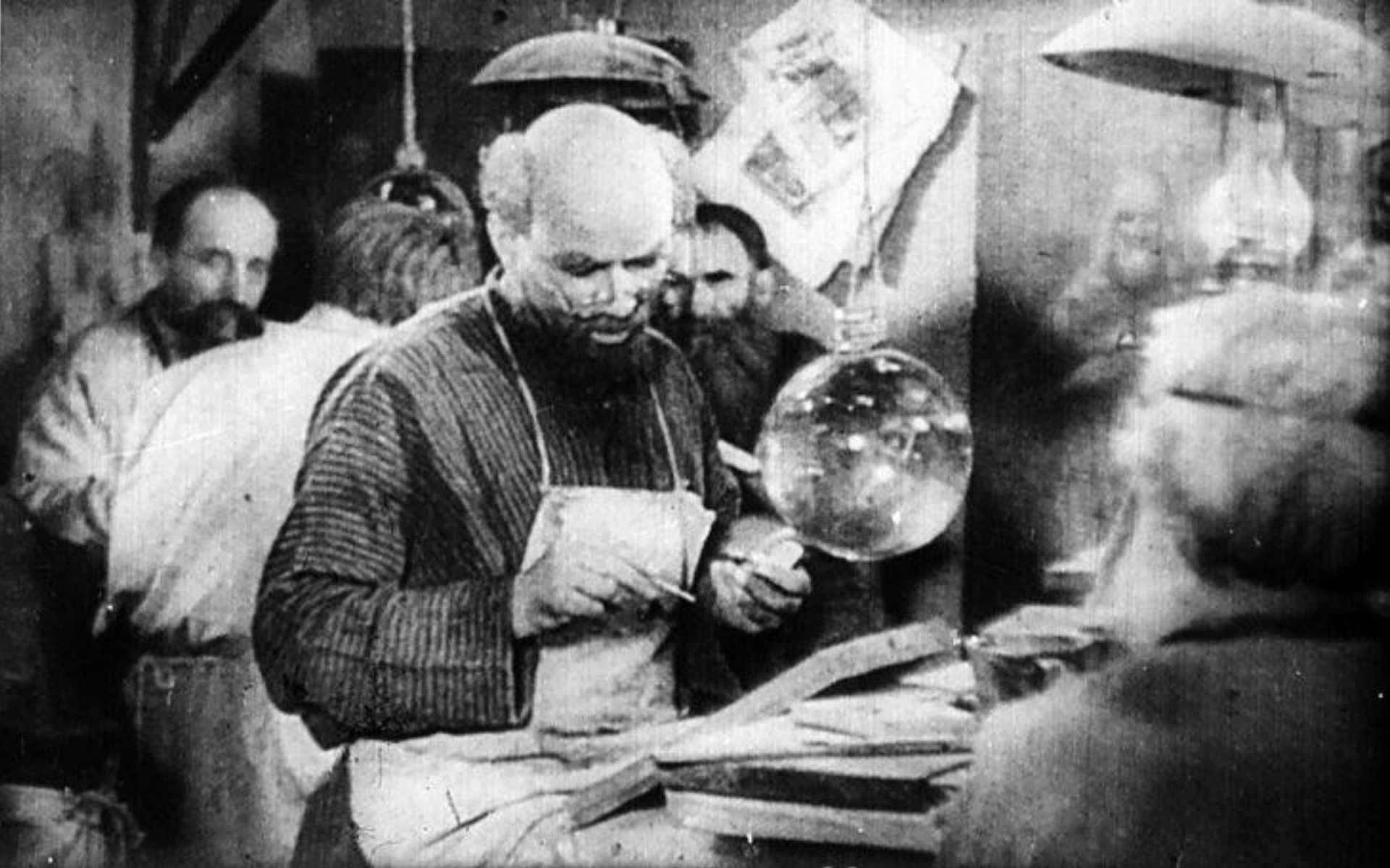

– Ты читай книги – это самое лучшее! – говорит Смурый. – В книгах, когда они правильные, должно быть всё сказано.

И снова в Нижнем, снова „в людях“.

Алексей поступил „учеником“ в иконописную мастерскую. Утром он ставил мастерам самовар, прибирал мастерскую, отделял для красок желтки от белков; вечером его заставляли растирать краски и „приглядываться“ к мастерству.

В мастерской жарко и душно. Над головами мастеров-„богомазов“ – сизая пелена сожжённой махорки, стоит густой запах олифы, лака, тухлых яиц.

Мастер по хоругвям, невысокий и стройный силач
Капендюхин затынул:

– Эх! Запрягу я тройку борзых
Тёмнокарих лошадей...

Десяток голосов дружно подхватили песню, сливаясь в могучий поток.

—И помчусь я в ночь морозну
Прямо к милушке своей...

Кончилась песня, и снова в мастерской стало то-
скливо и уныло. Алексей предложил: — А вот я вам
среди святых про демона прочту.

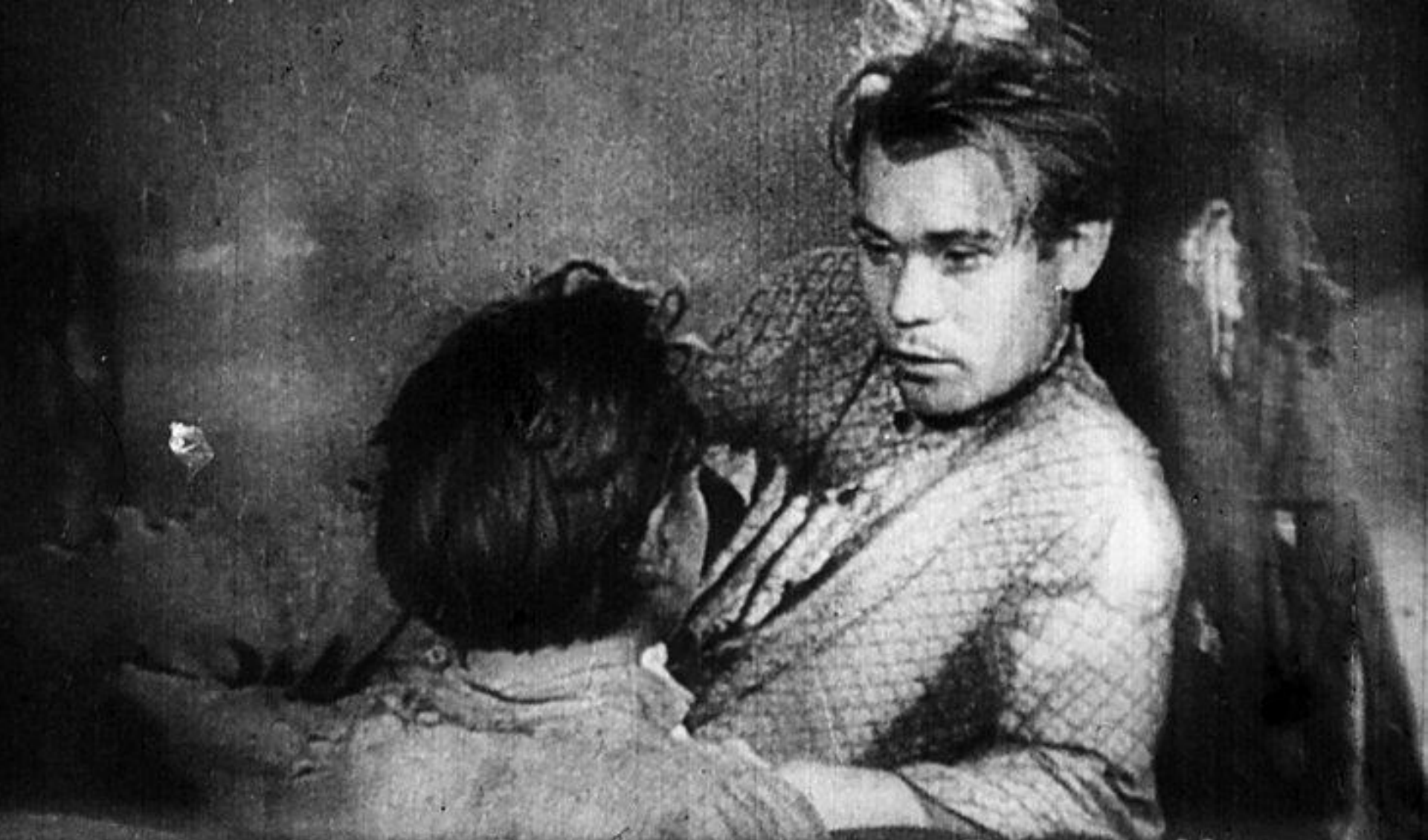
И стал читать иконописцам Лермонтова:
— Печальный демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землёй...

Поэма волновала Алёшу мучительно и сладко, у него срывался голос. Все слушали, затаив дыхание, тесно прислонясь друг к другу.

Вечером иконописцы гуляли – пили водку, пели и плясали. В пьяном угаре пытались они забыть тоску своей невесёлой жизни.

Ученик Пашка Одинцов говорил Алёше: – Неужели вся жизнь такая? И мы будем жить так?
– Не покорюсь я, не покорюсь, Пашка! – отвечал Алексей.

На другой день он сказал мастерам: — Эх, друзья, не могу я больше... Ухожу...

— Много ли золота накопил? — насмешливо спросил дед.
— Сколько есть, всё моё.
— Ты что, дразнишь меня? — завизжал дед и бросился на Алексея.

Алексей ткнул деда головой в живот. Старик упал и смотрел, изумлённо мигая: — Это ты меня ударил, деда? Матери твоей родного отца?

— Мать, — обратился дед к входящей бабушке, — ты
гляди-ка, он ведь ударил меня...

Бабушка подошла к Алексею и начала трепать его за волосы, приговаривая:— А за это— вот как его, вот как...

Алексей понимал, что сделал отвратительно. Ему было не больно, но нестерпимо обидно.

Он выбежал из хибарки... Подошла бабушка, села рядом и зашептала: – Ты меня прости, ведь я не больно потрепала тебя. Дедушка-то старик, он тоже горя хлебнул полным сердцем, – обижать его не надо.

Алексей рассказывал бабушке, как он жил на пароходе: — Плыли мы по Волге, по Каме плыли, красиво! Там повар был, Смурый. Любил он меня, защищал.

Услышав о Смуром, бабушка сказала: – Хороший человек! Ты, гляди, не забывай про него! Ты всегда хорошее крепко помни, а про плохое – просто забывай...

Утром Алёша с дедом и бабушкой пошли в лес за дровами. В лесу забывал Алексей обо всём, что, обижая, давило его сердце тяжёлой скукой.

Лес нашёптывал ему какие-то особенные слова,
они складывались в песню.

– Всё ближе зима, всё заметнее,
Прощай, моё солнышко летнее!..

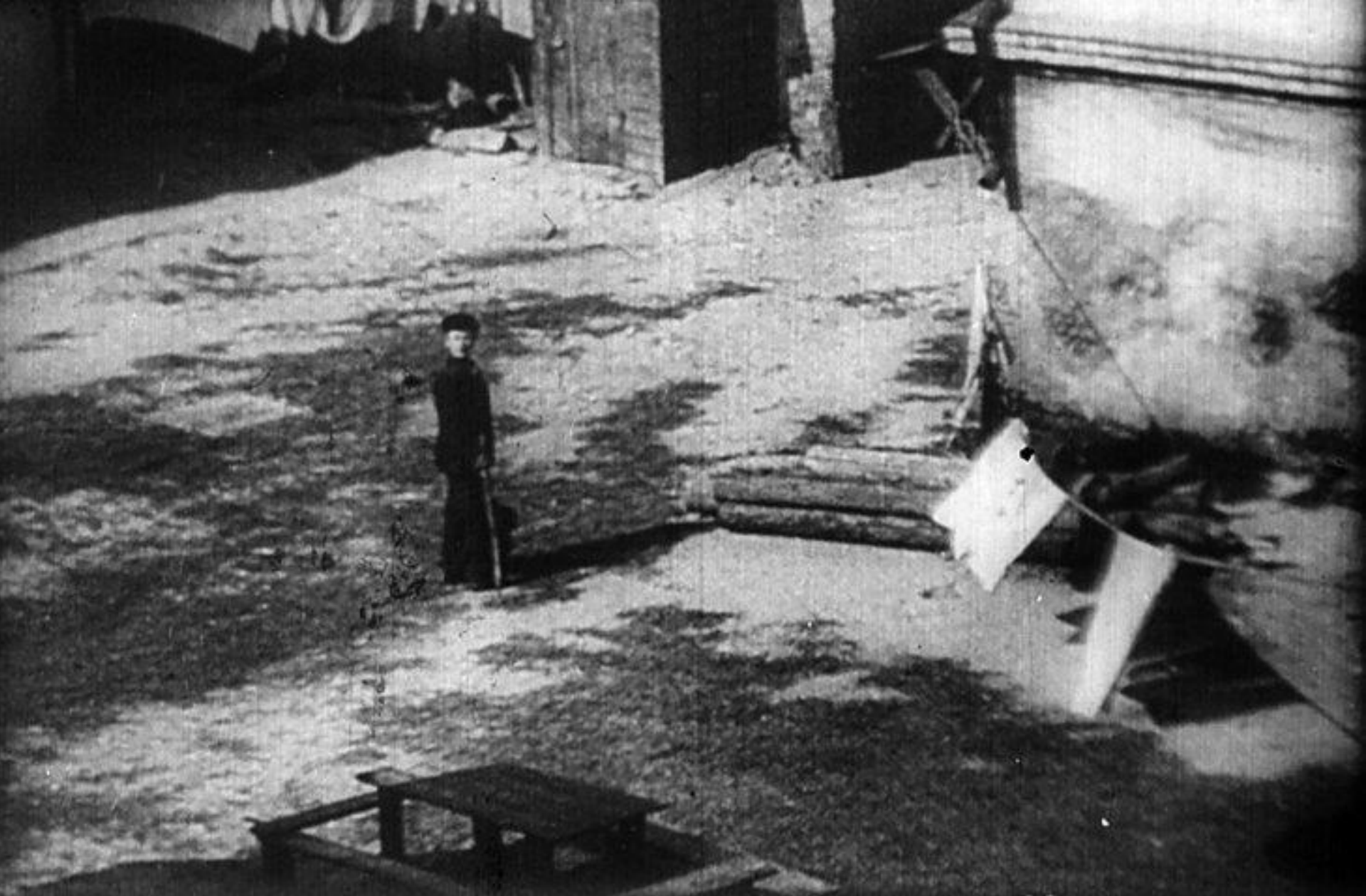
Но бабушка, не дослушав, перебивает: – Такая песня есть, только она лучше!.. Чего сам не испытаешь – про то хорошо-верно не скажешь.

И нараспев говорит:
— Ой, уходит солнце летнее
В тёмные ночи, за далёкие леса!
Эх, осталась я, девушка,
Без весенней моей радости, одна...

Дед серьёзно наставляет: – Бросай пустые-то дела, через песню никто в люди не выходил. Мир человеку – тёмная ночь.

В праздничный день Алексей шёл по Миллионной улице, где ютились босяки и нищий люд.

Проходя мимо трактира, он увидел, как с пролётки слезла женщина. Пьяная, она упала.

Алексей узнал Наталью, помог ей подняться и проводил в трактир.

Когда он спросил Наталью о дочери, она сразу, отрезвав, крикнула: – Дочери со мной нет. Ушла. Уехала к богатой подруге...

И, помолчав, негромко сказала, вздыхая: – Иди-ка ты отсюда! И прошу я тебя, и советую – не суйся сюда, пропадёшь!

У Алексея от стыда и жалости к Наталье навернулись слёзы, — она, ещё недавно такая смелая, независимая, умная!

В трактире Алексей встретил дядю Якова. Тот подвёл племянника к столу, за которым сидел похожий на дьякона, Митропольский: — Это человек учёный, из академии духовной выгнан.

—А за что вас выгнали?—спросил Алексей.
—За правду,—ответил Митропольский.

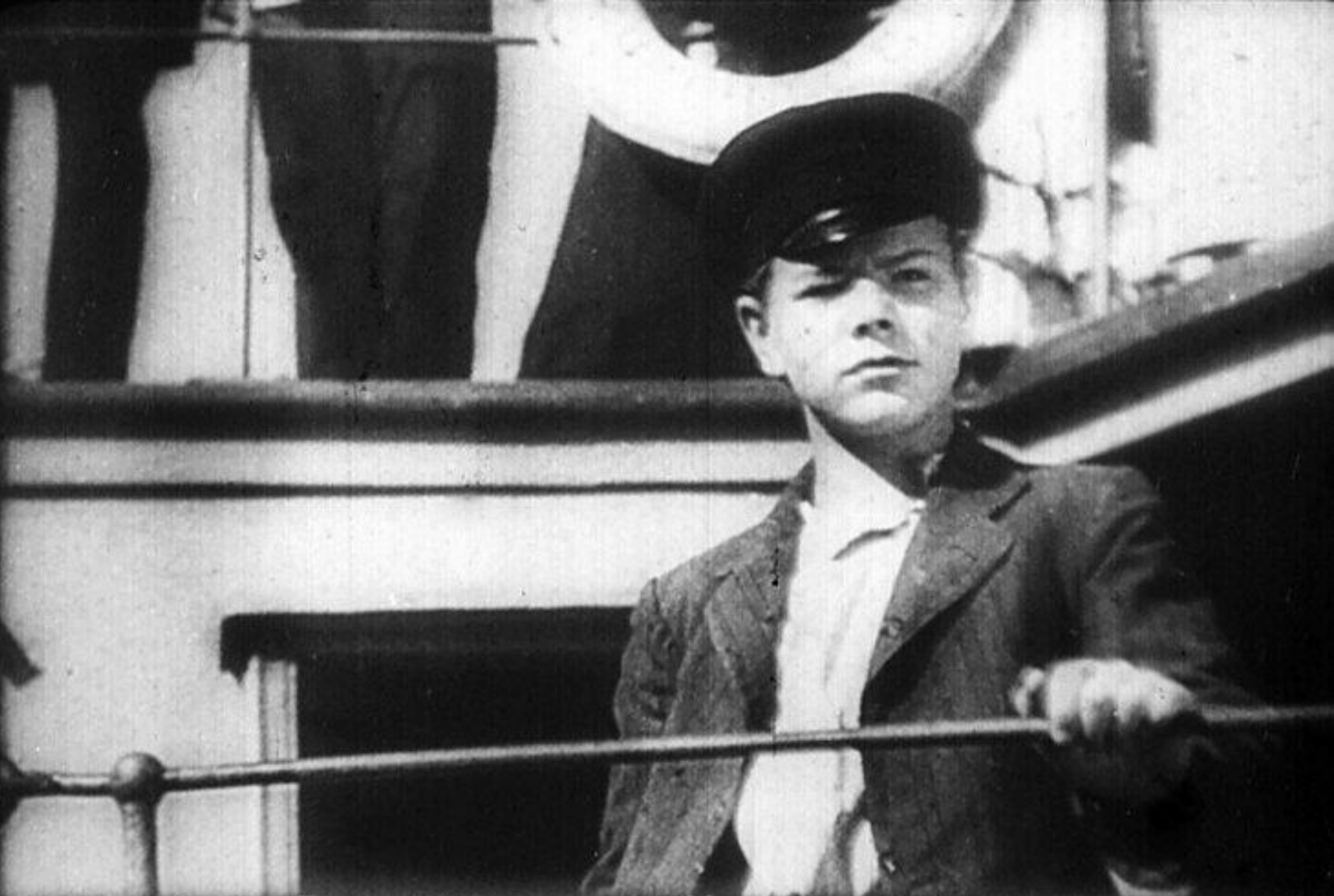
Как-то Алексей встретил Митропольского на берегу Волги. Они долго стояли на откосе и смотрели за реку, в луга.

Митропольский взволнованно говорил: – Эх, и как же хочется дать хороший пинок всей земле и себе самому, чтобы всё – и сам я – завертелось...

...радостным вихрем, праздничной пляской людей, влюблённых друг в друга, в эту жизнь, начатую ради другой жизни – красивой, бодрой, честной...

Осенью Алексей уехал в Казань, тайно надеясь, что, может быть, пристроится там учиться.

A grainy, black and white photograph of a wide river or sea. The water is dark and textured, with a small boat visible in the middle ground. The horizon is low, and the sky is a uniform, light gray. The overall mood is somber and contemplative.

„К жизни... к жизни... чтобы растворить в ней всё, что есть хорошего, человеческого, в наших сердцах и мозгах“.

М. Горький.

КОНЕЦ ДИАФИЛЬМА

Диафильм составил В. Перлин

Консультант М. Донской

Редактор М. Минц

Фабрика „Диафильм“, Москва, 131,
Лужнецкая набережная, дом № 4А